

АЛЕКСАНДР АНТОНОВ

МАЛЕНЬКИЙ РАССКАЗ ПРО ДОМ НА ГОРЕ

Этот дом никогда не был моим. И теперь уже никогда не будет. И я даже рад за него, за этот дом, не за себя, разумеется. У меня даже ключей, кажется, от него никогда не было в кармане. И называть дом своим в том или ином смысле я не имею никакого права.

Он и вправду стоял на горе. Вся деревня была на горе, возвышалась над долинами двух сливающихся рек, а этот дом стоял еще и на пригорочке, наверное, самый высокий. Он стоял в самом конце, так что возле него была изгородь для скотины, а дальше — пастбище и сенокосы. В деревне, как и раньше, было около десятка домов. Но заборы стояли только у некоторых, где жили круглый год. У остальных домов лишь крашенные наличники да занавески в окнах свидетельствовали о том, что они не брошены.

Я немало жил и на съемных дачах, и в общежитиях, и в палатках. И обычно их называл домом. Но ни одно из этих жилищ не вспоминается так, как этот дом.

Это была изба северного типа, когда всё под одной крышей — и жилье, и хлев, и сеновал, и амбар. Такие избы приходилось мне видеть, когда я работал в Архангельской области. Я изучил его весь, даже заглянул в клетки хлева — там были большие стойла коров и маленькие закутки, наверное, для коз или овец. Пожалуй, только в подпол — амбар я не спускался ни разу.

Каждый раз я волновался, как там дом, как он нас примет. И каждый раз он принимал нас отлично. Входя, я понимал, что пришел домой. Не к себе, нет, но я пришел домой.

АРХАНГЕЛЬСКИЙ (АНТОНОВ) Александр Алексеевич родился в 1978 году. Окончил геологический факультет СПбГУ. Публиковался в журналах "Нева", "Арт-город", "Вокзал", "Другие люди" и в альманахе "Абзац". Участник девятого и тринадцатого форумов молодых писателей России в Липках.

— Ну, вот мы и дома, — любил я посидеть с дороги, подобно тому, как люди делают это обычно на дорожку.

И порой мне начинает казаться, когда я погружаюсь в воспоминания, что это мой родной дом. Я не могу это вам как-то объяснить, не в прямом смысле слова, меня не прописывали туда после рождения, но это действительно мой родной дом. Только там я могу себя чувствовать так спокойно. Ну, если хотите, то порой мне начинает казаться, что я ходил в школу не в Ленинграде, а в Ярославичах — это соседняя большая деревня. Разумеется, никогда я не ходил в школу три с половиной километра, не переходил через подвесной мост над Оятью, это ложная память.

В первый раз нас привез на “дачу к Валере” Тарас. Сам же Валера с Димой и Вовой уже были там. Помню, как мы заехали на пригорок, и я впервые увидел этот дом. Нет, он мне не показался чем-то особенным, каким-то родным. Просто дом и все.

Помню, мы выпивали по случаю нашего приезда — как без того. Миша порывался идти на рыбалку, хотя уже стемнело — вот одержимый. Я не пустил его, но и сам в пьяном угаре говорил:

— Мы будем читать Белова и плакать.

И дом в тот первый приезд еще не успел стать родным. Это была просто чужая дача и все. А таким не моим, но все-таки родным он станет позднее, когда мы уезжали оттуда. И когда мы приезжаем туда с Мишей вдвоем.

Как же я все-таки ненавижу водку! Мы ведь всегда ездили на рыбалку (не сюда, в разные места) без спиртного. Это была разгрузка, отдых от наших бетонных пещер. А возвращались мы обычно без лишнего рубля в кармане. Помню, как мы наскребали на четвертушку буханки. Более вкусного хлеба, чем тот, я не ел. Когда же мы приехали сюда, то застали совсем другую картину — с собой на рыбалку ребята брали бутылку водки. Так же поступил и Миша — взял на нас двоих бутылку.

— Слушай, — сказал я ему, — это дурная традиция. Ну ладно эти олухи, алкоголики, они сюда пить приехали, но ты-то зачем водку с собой взял? Можно еще один раз вечером выпить, но здесь, в лесу, на реке, это абсолютно лишнее.

— Да ладно, погода, холодно, то, сё, — ответил мне Миша, — мы так, по стошечке, чисто символически.

— Ну, если только чисто символически, — сказал я и налил себе чуть на доньшке.

— Ну, это ты вообще ничего не налил, — сказал Миша и выпил свои сто граммов.

Мы шли вверх по Тянуксу и кидали спиннинги. Была глубокая осень, был октябрь — один из не любимых моих месяцев. Трава, которая в августе стояла в рост человека, пожухла и валялась под ногами. Миша шел по левому берегу, а я по правому. Порой мы забрасывали прямо напротив друг друга в один омут, порой скрывались из виду, кто-то уходил вперед.

Я был Мишиным учеником, именно он меня научил кидать спиннинг. До этого, конечно, я хвастал, что мы с топографами ловили щук, но это было так: я греб, а топограф проверял сети. Это называлось, я ловил щук! Просто говорить смешно!

Мы пошли с Мишей на Ояць — большую реку, по сравнению с заросшей Тянуксой, и там я тренировался забрасывать прямо, направо или налево. Забрасывать подальше и забрасывать поближе.

Свою первую щуку я вытянул на Тянуксе через день. Было осеннее пасмурное утро. Такие утра у меня почему-то ассоциируются со школой. Наверное, потому, что школа начиналась осенью. В тот раз Миша шел по правому берегу, а я по левому, и двигались мы против течения. С моей стороны была заводь. Я забросил спиннинг раз и два, но ничего не было, как и раньше. В третий раз леска вдруг натянулась, и я, не смея верить в свою удачу, подумал, что это зацеп. Но вот показалась щучья голова. Я подвел рыбку к берегу, и, вместо того, чтобы вытащить ее, сам зачем-то прыгнул в воду, схватил ее за жабры и руками выкинул на берег. Миша улыбался:

— Я вспомнил свою первую щуку. Забрось еще.

— Ты думаешь, после такого может клонуть другая?

И я сделал еще пару забросов и вытащил из того же омута еще одну щуку. Но больше я не прыгал в воду, эту уже вытаскивал спиннингом на берег. Больше за всю рыбалку я так ничего и не поймал, но я был горд и этими двумя щуками.

Один раз я почувствовал, что кто-то есть на том конце, и начал вытаскивать.

— Взяла, — сказал Миша со знанием дела и пошел дальше. Но только он отвернулся, как щука отпустила, и я вытащил одну блесну. Я бросил еще раз, хотя это было бесполезно — сошедшая щука не брала второй раз. Я бросился нагонять Мишу и рухнул в воду, зачерпнув сапогом. Я вылил воду из сапога, оставил рюкзак и спиннинг и бросился за Мишей.

— Большая? — спросил он.

— Не знаю, — ответил я, — не видел, но судя по тому, как шла, большая.

— Да ты что, не вытащил что ли?

— Нет. И я ногу промочил, кинь бутылку, пожалуйста.

— Ты что, за щукой нырял что ли?

— Нет, я потом в реку свалился.

Он подумал, не вышить ли ему, но потом решил, что не стоит, и бросил мне бутылку через реку.

— Я пойду сушиться и пообедаю заодно. Ты иди медленно, и я тебя нагоню.

Когда в конце рыбалки я отдал бутылку, то в ней оставалось совсем чуть-чуть.

— Ничего себе, — сказал Миша.

Затем он взял бутылку, вылил остатки к себе в стакан и, крикнув, выпил. Он закусил хлебом, однако это было лишнее — он и так ничего не почувствовал — ему было мало.

— Что-то ты то вообще не пьешь, то все выжираешь.

Впоследствии он скажет, что это я виноват в том, что он нарезался. Если бы он выпил побольше, то не пошел бы в тот день в Ярославичи за добавкой. Мы пошли домой, другие ребята — Дима, Вова и сын хозяина дачи — Валера, уже были там.

Валера плохо себя чувствовал, пробежка вдоль Тянукусы доконала его. А все остальные решили, что раз сегодня суббота, то нужно обязательно сходить на дискотеку в Ярославичи. Они и меня приглашали, но я ответил:

— Я сюда приехал не для того, чтобы на дискотеки ходить. Я хочу отдохнуть от всего этого, еще мне не хватало туда перебраться. Нажраться можно и в городе преспокойно, для этого не нужно сюда ехать.

Но у них на этот счет было диаметрально противоположное мнение — раз приехали, значит нужно нажраться. И они втроем ушли, одевшись по-городскому, — Дима, Вова и Миша. Обычно мы носили Валерины ватники. У меня хранится ватник, который я приобрел на работе. Я думал, что буду носить его в своем доме, но дома у меня так и нет. И он висит у меня бесполезный в квартире. Между тем минула полночь, потом и час. Валера нервничал, он ведь был за хозяина и беспокоился о гостях.

Наконец, пришел один Дима с довольной рожей кота, сожравшего сметану.

— Где остальные? — спросил его Валера.

— Не знаю, — отвечал тот, — я думал, что они дома давным-давно.

Когда они втроем пришли в деревню, то первое, что им сказали мужики, увидевшие пьяных ребят, было:

— Девки в деревне нет.

На что Дима, Вова и Миша спросили:

— А где можно спирт купить?

Им указали двор, в котором кто-то из местных продавал спирт.

Как оказалось, клуб был закрыт. На ступеньках клуба сидело несколько человек местной молодежи с кассетным магнитофоном. Дима увидел, что Вовочка собирается целоваться с местной бабой. Тогда Дима взял щупленького в доску пьяного Вовочку за шиворот и, отодвинув его, стал сам с ней лизаться. Что у них было дальше, я не могу, да и не хочу писать. Но все-таки придется.

Потом Дима пошел ее провожать. Девушка познакомила его со своими родителями, после чего они уединились в протопленной бане (как раз была суббота). Дима даже по пьяному делу оставил зачем-то ей свой телефон. И вот после этих приключений он вернулся раньше всех.

А Вовочка продолжал бухать местный спирт и, что было дальше, вообще не помнил. Миша же потерял его, он решил возвращаться один. Куда нужно идти, он понимал плохо, но, к счастью, с ними увязалась лайка из нашей (ну вот я и назвал ее нашей) деревни. И Миша просто шел за собакой. Перейдя через подвесной мост и выйдя из Ярославичей, собака его привела к Вова, который тоже, видимо, перешел мост и упал прямо в кустах. Вова спал на земле, несмотря на позднюю осень. Миша разбудил его, и дальше они пошли вместе. Как дошли — не могу описать — дорога была темная, тропинка скользкая, грязная и очень крутая — она вела в гору, и они часто падали и ползли за собакой прямо на карачках. Эта собака спасла их.

Первым вошел Вовочка, он каким-то чудом держался на ногах.

— А где Миша? — спросил я у него.

— Сейчас, идет, — ответил он. В это время в сених раздался грохот — это рухнул Миша. Я бросился его поднимать:

— Как же ты по крыльцу поднялся, если на ровном месте падаешь? — удивился я.

— Умыться надо, я весь в дерьме.

Я подтащил его к умывальнику, а Валера — грозный хозяин давал разгон всем троицам.

В день отъезда я подметал пол.

— Саша, — сказал мне Миша, — прекрати ходить туда-сюда, а то меня укачивает.

— Укачивает его! — возмутился я. — Ты сам должен со шваброй ходить, а не валяться на диване!

Миша часто вспоминал одну историю, которая произошла с ними в детстве, здесь, на даче. Они рыбачили на вечерней зорьке и поймали немаленького хариуса — кило триста. В двенадцать ночи Миша сказал Валере:

— Уже двенадцать, нас ведь только до полуночи отпустили.

— Ерунда, — ответил Валера, — за такого хариуса нам все простят.

И они рыбачили в белую июньскую ночь, а домой пришли в четыре утра. Но у матери был другой взгляд на вещи, и поэтому Валера получил этой рыбиной по лицу. Той самой рыбой, которую он предъявлял в качестве оправдания.

А еще к нам ночью приходила соседская серая кошка. Она забиралась в подпол, а из подпола пролезала через кошачий лаз — специально выпиленную отдушину. И когда она к нам приходила, то начинали сниться яркие сны. Сны цветные, как мультипликационные фильмы, какие сняты иногда, если у тебя температура. Мы с Мишей думали, что это от кошки. Обычной серой невзрачной кошки. А еще нам снились в такие ночи коты. Мне снились рыжие и пушистые, освещенные солнцем. А Мише приснился его кот, и что они тепленически общаются друг с другом, а остальные коты не понимают.

В комодке шуршала мышь, она там чем-то гремела и мешала мне спать. Но когда приходила кошка, то она затихала. Когда кошка уходила, то начинала возиться снова. Мне это надоело, и я решительно открыл ящик комода. Мышь испугалась и прыгнула за ящики в глубину комода. Я грязно обругал ее.

Ну, вот я стал писать всякую ерунду, а дом-то совсем оставил. И так, первым делом человек попадал на крытое крыльцо, ступеней в семь или десять, потом в сени, откуда можно было подняться на чердак, если пойти по лестнице, на сеновал, если повернуть направо, и в жилую избу, если повер-

нуть налево. В жилой избе было две смежных комнаты. В первой была русская печка сразу слева, как войдешь. Она стояла вдоль комнаты так, что устье было расположено со стороны обеденного стола, стоявшего в глубине комнаты. Здесь же был и диван. Во второй комнате была еще одна печка с лежанкой, пара кроватей, небольшой стол и комод. Сколько раз я себя спрашивал, как здесь жили, но так и не мог найти ответа. Иногда казалось, что старшие жили в большой комнате с русской печью, а дети в смежной, иногда — наоборот. Дом упорно хранил тайну — кто и для кого его построил, кто здесь жил с самого начала. Валерины родители купили его, уже когда он был дачей.

И я часто думаю, кто же были те люди, что жили здесь постоянно, кто были те, что построил дом. Однажды среди ненужных бумаг мы обнаружили страховку на корову, квиточки за несколько лет. Платилось что-то около трех рублей. Еще в русской печи было круглое отверстие, куда можно было вставлять трубу от самовара, то есть у них был самовар. На чугунке, который мы сажали в русскую печь, было написано: Артель “Труд” 1927 г. По словам Валеры, звали хозяйку Дарья Чистякова, и жила она с сыном. Вот, пожалуй, и все следы, вся информация, по которой можно было восстановить прежнюю жизнь.

А мы однажды не пустили одного человека, как я теперь понимаю, этого самого сына. И теперь я понимаю, каково ему было. Вот как это вышло.

Появились как-то двое местных мужиков, а Валеры дома не было, были я и Миша. Один из этих мужиков нес два полных пакета с чем-то, а второй нес себя, хотя и с трудом. Мужики подошли, поздоровались, представились. Оказалось, что один из них нес пакеты с пивом — из мешков торчали горлышки полторалитровых пластиковых бутылок. Шли, судя по всему, уже километра три, из Ярославичей, где был магазин.

— Давайте выпьем, — сказал один из них, тот, что был с пакетами, и хотел пройти в дом.

Но Миша загородил ему дорогу. Тот остановился. Он не понял, почему его не пускают в дом.

— Хозяина дома нет, — пояснил он гостю.

— А где же Саша?

Мы с Мишей переглянулись. Эти мужики нравились нам все меньше и меньше. За те десять лет, что мы употребляли алкоголь, пожалуй, еще никто не предлагал выпить на халяву. Налить просили, но наоборот...

— Какой Саша? — спросили мы оба разом.

— Как какой? Ну, хозяин-то.

— Здесь Валера хозяин.

— А Саша где?

— Не знаем такого, — сказал Миша.

А я добавил:

— Может, вы, мужики, дом перепутали?

Тот, который нес себя, возмутился:

— Да он здесь вырос, как может такое быть?! И я точно помню — тот дом.

Миша шепнул мне:

— Валера говорил, здесь тетка раньше жила одна, у нее корова была еще, — я только плечами пожал.

— Ладно, давайте тут выпьем, — предложил тот, что с пакетами, — я, понимаешь, столько здесь не был. Раньше здесь жил. С кем? Да с матушкой, с братом. Зимы морозные помню. Волки вон к изгороди подходили.

— А много их было? — спросил я и тут же пожалел, потому что рассказчик подумал, что над ним издеваются и не верят, и решил назло соврать:

— Штук пятнадцать...

Но тут вмешался второй прохожий:

— Да давайте выпьем, пиво у нас есть, здесь прямо... — он показал во круг себя.

— Чего? Может, здесь-то ничего? — спросил я.

Но Миша отказался пить с ними подчистую и сказал:

— Вы можете пить, но мы не будем, у нас дела.
— Да давайте, по маленькой бутылочке пива вместе с нами, — и он полез в пакет, искать пол-литровые бутылки с пивом.
— Да чего, пойдем, — сказал другой, — Саша нету, чего мы тут будем...
— Нет, вы пейте, но мы не будем, — и Миша остановил достающего бутылки жестом.

Тот выпрямился и недоуменно посмотрел на этого дачника, даже руками развел:

— Да чего вы, давайте выпьем, я ж не прошу — угощаю.
— Нет, вы пейте, но мы не будем.

Тут он все понял — не хотим мы с ним пить, не хотим, в дом его бывший тоже не хотим пускать, и нет у нас никаких дел на самом деле — какие дела у дачников, смешно даже.

— Ладно, пошли, — бросил он своему другу, развернулся и столкнулся с Валерой, который спешил к себе во весь опор и тяжело дышал.

— О, здорово, Саша! Мы пошли.

— Я не Саша, я Валера.

— Саша, выпьешь с нами? — встрял второй, который нес себя.

— Я не Саша, я — Саньч. Саша — это отец мой, а я Валера.

— Ну, Саша... То есть, Саньч, давай выпьем...

— Давайте, — сказал Валера и распахнул дверь.

— Давай, пошли к себе, — сказал мужик с пакетами, уже подняв их и стоя на отдалении, там, где когда-то в детстве у Валеры была калитка.

— Пойдем, выпьем, — сказал мужик своему другу с пакетами и мотнул головой в сторону открытой двери дома.

— Всё, пошли отсюда, — ответил тот.

И тут даже Миша, который отказывался пить подчистую, попросил их:

— Да давайте, по сто грамм-то можно, и всё!

— Да чего вы... — Валера недоуменно помычал.

— Пойдем давай, хватит!

Тот, который с трудом принес себя, недоуменно пожал плечами:

— Ну, вы извините, мы пойдем... Такое дело, не хочет, — и помотал головой в сторону товарища.

— Да чего, это у всех бывает, — ответил я, намекая на нашего Мишу.

Когда он пожал всем руки и унес себя вслед за первым, то Валера спросил:

— Чего приходили-то?

— Да выпить хотели. А кто это?

— Один — сын бывшей хозяйки. Живет теперь в соседней деревне километрах в двух отсюда.

— А второй его брат?

— Нет, не родной. Ну, может, старший троюродный брат или дядя, я точно не знаю, они тут почти все родственники... Чего ушли-то?

— Да... обидели мы их, — махнул рукой я.

Ну и раз уж я вспомнил эту историю, то как нам не вспомнить дядю Федю. Дядя Федя жил через два дома, если так можно выразиться, потому что дома в этой деревне стояли зачастую вразнобой, в шахматном порядке.

Всегда, когда приезжали мы в деревню, он приходил в гости. На улице поздняя осень — грязь непролазная. А он приезжает на мотоцикле (это за два дома-то!), в начищенных кирзовых сапогах и стареньком галифе. Было ему тогда лет семьдесят, служил он еще при Сталине. От водки дядя Федя отказывался, а чаю у нас тогда не было. Он вел чинный неторопливый разговор о родственниках Валеры, о ситуации в стране.

Обычно мы приезжали в октябре — Мише казалось, что в это время должна идти рыба. Красная идет на нерест вверх по Тянуксе, а у щуки должна быть в это время осенний жор. А однажды, это было в 2005 году, мы приехали в августе. Это безумно красивые места даже в мое самое нелюбимое время года — поздней осенью, почти зимой. Когда идешь старыми — уже все убрано — сенокосами по этой горе к большой реке Ояти, какие-то

неведомые самому чувства охватывают тебя. Какое-то странное спокойствие, чувство, что ты дома, хотя косили здесь не мы и даже не наш сосед Вася. Странное это чувство и спокойное, и заунывное, особенно если увидишь улетающих журавлей или треугольник гусей, кричащих в осенней тишине. И все это в пасмурную погоду, когда все так уныло! Что уж говорить о летней поре, когда стоит полноценный август, деревья еще так зелены, лишь кое-где желтый лист, когда уже пошли белые.

Как-то мы ездили смотреть другую дачу с женой, и она поставила меня в тупик вопросом, как я себе представляю, что там делать на даче. Ведь, когда мы были в деревне с Мишей, у нас не было свободных и пяти минут, мы все время что-то делали. Мы каждый день ходили на рыбалку, потом готовили рыбу, проверяли сетки на лосося, топили печь, занимались хозяйством, убирались в доме. Мы все время чем-то занимались, что-то делали. А в свободные вечера, когда темнело и ни за грибами, ни со спиннингом было не выйти, я писал. Я даже кое-что помню из того, что я писал. Я писал школьные воспоминания — как я оторвал случайно в драке рукав однокласснику, как я с параллельным классом ездил в Пушкин и был поражен — у них в классе были не такие отношения, как у нас, не было какой-то звериной ненависти. А может быть, я просто встретил другое отношение к себе.

И так мы проводили время с Мишей. Часов в восемь утра мы ходили к соседу Васе за молоком. Потом готовили на дровяной плите какую-нибудь кашу — геркулес или манку. После завтрака шли в поход или на висячие (то есть находящиеся отдельно) озера за налимами, которые обитали там на глубине. Или просто со спиннингами по Тянуксе, пытаясь урвать там щучку-другую. Или за белыми вдоль дороги, что идет в свою очередь вдоль Тянуксы. Возвращались мы уже под вечер с грибами, которые надо было чистить, или рыбой, которую мы чистили прямо на реке, чтобы не возиться дома. Миша потрясающе делал лосося в лимонном соке и уксусе, а я жарил его. Свежий, он просто таял во рту. Мы готовили ужин, ужинали, Миша приводил в порядок снасти, а я писал — во второй комнатке был небольшой стол. И у нас не было и пяти минут простоя или безделья.

Однажды я заметил, что на коньке крыши доски новые.

— Ну вот, а ты говоришь, что Валера совсем не приезжает, — сказал я Мише, но он только фыркнул.

— Это я Васе деньги оставлял, чтобы он новые доски на крыше прибил, — и я вспомнил. Действительно, Миша меня спрашивал, стоит ли заморочиться. Я сказал, что стоит, если вода будет попадать на чердак, то потолок сгниет, и изба просто протечет. И еще сказал, что это нормально — потратить деньги, мы же ведь здесь живем, и это будет плата этому дому. Даже не хозяевам, а самому дому.

В один из последних разов, когда мы собирались туда, я был уже женат. Я собирался поехать на рыбалку вместе с женой, а она хотела взять с собой племянника, который вообще не умел ловить рыбу. Конечно, при таких обстоятельствах ни о какой нормальной рыбалке не могло быть и речи, но мы бы съездили, хорошо отдохнули.

Мы уже давным-давно не ездили туда. Миша хотел подшиться, но не мог выдержать пяти дней. И тогда-то я и предложил:

— Знаешь, Миша, поехали к Валере в деревню. Проживем там эти пять дней.

Но Миша был согласен только пьяный, трезвый он отказывался туда ехать — такой заколдованный круг.

А потом случилось это — мы узнали, что дом продан. Продан людям, которые там отдыхали в последний год, и им нравилось. Продан. Продан! Продан...

А ведь я просил Мишу, чтобы Валера сразу сказал, если дом будут продавать. Но Валера стоял твердо на своем — дом он продавать не будет, хотя и не ездил туда уже лет пять, все в городе бухал. А теперь родители сами взялись за это дело и решили продать дом в обход него.

Я взял у Миши телефон Валериной матери.

— Только не говори, что это я его тебе дал, скажи, что был там и взял у соседа Васи.

Пришлось мне пуститься на этот бесхитрый обман.

— Здравствуйте! — сказал я. — Мне Василий сказал, что вы продаете дом.

— Нет, мы уже договорились. Люди отдыхали там летом, им понравилось, и они согласились купить этот дом.

“Мы тоже, тоже там отдыхали, и нам понравилось”, — чуть не крикнул я, но сдержался — ведь по легенде я был посторонним человеком.

— Я видел ваш дом, и он мне очень понравился. Скажите, за сколько вы его продаете?

— Об этом конкретном доме разговора быть не может. Потому что это наши хорошие знакомые. И мы продаём за свою цену его, но вообще-то он стоит дороже. А вас интересует именно дом на горе?

“Да, меня интересует именно этот дом на горе”, — захотелось воскликнуть мне, но вместо этого я сказал:

— Да нет, почему же, не только.

— Я могу вам дать телефон агента в райцентре...

Но где тот агент, который бы продал нам именно этот дом...

Уже после этого, после того, как дом продали, я почувствовал острое желание туда приехать, увидеть его. Посмотреть на него хотя бы издалека, а может быть, и подойти поближе, постоять возле него, если будет возможность. Когда я, Тарас и Миша пили вино, я предложил Мише поехать туда:

— Давай съездим на бывшую Валерину дачу.

— Нет, — ответил он, — это больно. В смысле неприятно, — поправился он тут же.

— Да, Миша, это именно больно, ты всё правильно говоришь.

— Понимаешь, я хотел туда с дочкой съездить. А теперь что?

— Да, я тоже хотел туда съездить с женой и племянником...

— Нет, я туда ни за что не поеду, — решительно заявил Миша, — Приедешь, а там коттедж вместо дома.

— Почему коттедж, — возмутился я, — с чего это ты взял? Я понимаю, мне тоже больно его увидеть. Это же ведь наша родина.

— В каком-то смысле да, согласен, — сказал Миша.

— А там не продаётся больше домов? — спросил Тарас.

— Сколько угодно, — ответил Миша.

— Не в этом дело, ты не понимаешь, — сказал я. — Нам нужен именно этот дом. Знаешь, я ведь пишу рассказ про этот дом, и он никак не получается. Я не могу выразить с сотой долей того, что мы к нему чувствуем.

Миша, приоткрыв окно и прикурив, спросил:

— Зачем ты пишешь об этом? Я просто постарался забыть и всё. Всё это очень больно.

— Миша, мне тоже больно, и поэтому я пишу рассказ.

Мы собирали яблоки на даче Миши. Яблоки были на деревьях, яблоки лежали под ними, гнилые яблоки свалили в компостную кучу. Посмотрев на все это, я сказал:

— Знаешь, Миша, я читал всякие истории про то, как дети яблоки воровали, а их за это крапивой пороли. Глядя на твой сад, не понимаешь, в чем сущность проблемы...

— Да я только счастлив был бы, если бы у меня кто-то воровал яблоки...

— Чего, Миша, поедем в Феньково?

Миша задумался, почесал большим пальцем шею и неуверенно сказал:

— А на рыбалку на Ладогу на пару дней ты не хочешь поехать?

Я подумал и ответил:

— Нет, не хочу. Хочу поехать в Феньково посмотреть этот дом.

Выехали мы поздно, хотя Миша и ранний человек, просто у него было суточное дежурство, и сменился он только в девять утра. По дороге Миша сказал:

— Если Вася подойдет и будет спрашивать, скажем, ехали из Петрозаводска по делам и вот решили заехать. Про дом ничего не говори, а то он смеяться будет, просто со смеху лопнет.

— Ладно, хорошо, — согласился я, взяв грех на душу, — не буду про дом говорить.

По дороге мы проскочили указатель на Никольский скит Введено-Оятского женского монастыря. Миша сказал:

— Вот бы на обратном пути заехать!

— На обратном пути мы поедем затемно, там уже все закрыто будет.

Мы развернулись и поехали в скит. Походили по двору, посмотрели строящиеся кельи, зашли в деревянную церковь.

— А знаешь, — сказал Миша, когда мы поехали дальше, — я не хотел ехать, а теперь ничего, настроение даже появилось.

— Ты не хотел ехать?! — расстроился я, для меня эта поездка была чем-то особенным, чем-то святым.

Остановились в нарушение правил прямо на мосту через Оять.

— Осень, а воды нет — вон камни голые, — сказал Миша.

А мне думалось, каким будет дом, как он нас встретит?

И вот, наконец, мы оказались у дома. У дома, который никогда не был нашим. Но сейчас это был просто чужой дом. Участок огорожен рабицей, к березе приделаны детские качели, двор выкошен. И только там, в окне, было что-то от старого дома. Несмотря на выкрашенные наличники, казалось, что стоит зайти в него, и он снова будет прежним.

Было холодно, дул осенний ветер.

— Ну что, поехали, посмотрели? — спросил Миша.

— Нет, подожди, — ответил я. Просто уехать я не мог, я должен был запечатлеть дом на память.

В это время на тропинке из-под горы показался человек. Он был в черном ватнике, грязных штанах и кирзовых сапогах.

— Здравствуйте, — не то просипел, не то прошамкал он.

— Здравствуйте, — поздоровались мы.

— У вас сигаретки не будет?

Миша дал ему сигарету.

— А я вот за клюквой ходил.

— Куда, за Борисову Гриву? — спросил Миша, знавший эти места.

— Нет, — и он начал охотно объяснять, куда ходил, меняя выражения на своем щетинистом лице.

Потом он попросил еще одну сигаретку. Я потихоньку сфотографировал дом с крыльца, с торца и с обратной стороны, где был вход в хлев, для чего мне пришлось немного пройти по этой тропинке.

“Вот он дом, — думал я, — который мы не уберегли, который не сумели сохранить. Пробухали вместе с Валерой, разбазарили нашу малую родину”.

— Здесь нетронутые дьяволом люди, — сказал Миша, когда мы ехали обратно.

Ну вот, я и написал маленький рассказ про дом на горе, про не мой дом. Но мне не хватило таланта, чтобы выразить то, что я переживал. Выразить ту радость, которая охватывала меня, когда мы приезжали. То спокойствие, которое я чувствовал, когда жил там. Ту легкую грусть, которая приходила ко мне, когда мы уезжали. Выразить отношение к чужому дому, как к своему. Обрисовать весь этот дом, начиная от клетей хлева и заканчивая разъехавшимися досками на коньке крыши.